

ДОРОГА, ПРОЙДЕННАЯ ДВАЖДЫ...

В. ГНЕУШЕВ, А. ПОПУТЬКО

По следам героических боев.

Теперь многим известна тайна Марухского ледника. Двадцать лет пролежали останки советских воинов под вечными снегами Главного Кавказского хребта. Летом 1962 года они были обнаружены, вывезены и захоронены с воинскими почестями в предгорной станции Ставрополя—Зеленчукской.

Журналисты Владимир Гнеушев и Андрей Попутько по крупице собирали сведения о героических высокогорных боях, о людях, погибших там и оставшихся в живых, а затем выпустили книгу, которую так и назвали: «Тайна Марухского ледника».

Уже после выхода книги авторы получили множество писем — и от читателей, и, что особенно важно, от неизвестных еще участников боев. Во многих письмах ветеранов сквозила одна мысль: хорошо бы встретиться всем вместе и, может быть, даже побывать там, на ледниках...

Так родилось решение — двадцать один год спустя, оставшимся в живых собраться и пройти тем самым путем, каким шли героические 808-й и 810-й стрелковые полки 394-й стрелковой дивизии на защиту перевалов. О том, что получилось из этого решения, рассказывается в главе из подготавливаемого нового издания книги «Тайна Марухского ледника», где будет много новых эпизодов и окончательное раскрытие тех «темных пятен» в обороне перевалов, какие еще оставались в первой книге.

Это был совершенно необычный поход. Когда за спиной осталась первая ночевка у высокогорного озера и две тысячи человек поднялись на гребень хребта Оборонного, колонна впервые беспорядочно раскололась и виной тому было вовсе не отсутствие дисциплины среди альпинистов да туристов или других участников восхождения. Просто никогда еще не приходилось им подниматься в горы с такими людьми — участниками боев на Марухском перевале.

Отсюда, с гребня, отлично просматривалась седловина перевала и ледник внизу, и темное, мрачное подножие знаменитой вершины Кара-Кая. И участники боев, на которых, понятно, сразу же нахлынули воспоминания с мельчайшими подробностями, стали рассказывать осаждавшим их юношам и девушкам о том, что вон под той, например, скалой погибли автоматчики из роты, где политруком был молодой тогда лейтенант Гаевский, а там вон, у подножия ледника, усеянного галькой и обломками скал, был окружен немцами и трое суток отчаянно защищался взвод разведки младшего лейтенанта Толкачева. На четвертые сутки разведчиков осталось двое, и один из них,

бывший рядовой Иван Подкоп а ев, тоже стоит сейчас здесь, на гребне, и тоже рассказывает что-то другой труппе молодежи...

С гребня колонна вскоре начала спускаться на ледник. Отряды один за другим преодолевали крутые осыпи, на которых достаточно одного неосторожного шага, чтобы они начали двигаться, славно живые. Альпинисты и туристы должны были с перевала вернуться вниз, в Аксаутскую долину.

Участники боев собирались идти дальше, через Сванетию, и все несли на себе. Правда, это было в самом начале пути от места ночевки, а как только начался первый подъем, ребята-альпинисты подошли к бывшим воинам и вежливо, но настойчиво отобрали у них груз, взвалив его на себя.

Старым солдатам идти все равно было нелегко: сказывались и годы, и отсутствие тренировки, и старые раны. Трое — Константин Расторгуев, бывший политрук 3-го батальона, Иван Подкопаев, разведчик 810-го полка, и Владимир Туровской, боец 808-го полка, — шли на протезах. Им было особенно тяжело и на спуске с хребта, и при переходе ледника, и на скальном, почти альпинистском подъеме с ледника на перевал. Еще в Черкесске этих троих усиленно отговаривали от похода, страшили трудностями, но они были

непреклонны:

— О трудностях перевала нам не говорите, мы их знаем не хуже вас. А пойти мы пойдем как угодно, хоть на одной ноге. Мы ведь клялись своим погибшим товарищам, что придем навестить их...

И они пришли. День был солнечный, свет, отражаясь от льда и снега, слепил глаза. Вот уже и ледник пройден. Теперь последний бросок туда, вверх, где, словно глыба сверкающего льда, отсвечивает обелиск, установленный альпинистами несколько дней назад. Вот пройдены и последние сотни метров, и, глубоко вдыхая холодный и чистый воздух перевала, восходители один за другим становятся вокруг обелиска.

Вскоре на огромный снежник, полого поднимающийся со стороны Грузии, ступила хорошо видная цепочка людей со знаменем впереди. Это шли грузинские альпинисты и с ними тоже участники боев, вернее, те немногие из них, которые остались живы и проживают теперь в Грузии. Они шли медленно, знамя развевалось на ветру, и все чувствовали, что приближается одна из торжественнейших минут, каких немного выпадает на долю каждого человека в его жизни.

Нет, две колонны не выстраивались друг перед другом, они просто смешались, едва соприкоснулись. Сразу же начался митинг, который открыл первый секретарь Карачаево-Черкесского обкома партии Н. М. Лыжин. Несложно передать слова, которые произносили все выступавшие, ибо они были обычными, — о ленинской партии, о погибших товарищах, о верности делу коммунизма. И невозможно воспроизвести настроение, какое охватывало участников едва ли не единственного в своем роде высокогорного митинга при этих словах. Им словно возвратили первородство, так чисто и свежо они звучали, так волновали.

Вслед за Н. М. Лыжиным на камень, заменяющий трибуну, поднимались многие, кому хотелось присягнуть на верность делу, за которое погибли полки, — Н. Дауров, секретарь Карачаево-Черкесского обкома комсомола, Н. Хубиев, студент, С. Малюгин — бывший лейтенант 810-го полка, а ныне и сам полковник, командир крупного воинского подразделения, рабочие и колхозники. И каждое их слово падало в души с такой же весомостью, с какой лег к подножию обелиска мешочек с землей Кахетии, Абхазии и Сванетии — этот мешочек принес с собой на перевал участник легендарных боев Григорий Ломидзе.

Отзвучали речи и приветствия, отпылали ракеты в чистом и ярком небе. Время катилось быстро, надо было начинать движение — одним назад, в Карачаево-Черкесию, другим дальше, через седловину перевала и Большой Марухский ледник, к границе леса, где определена первая ночевка в многодневном походе. Но бывших солдат и офицеров все не отпускали от себя молодые участники восхождения, все спрашивали их о боях, просили показать вновь и вновь, за какими скалами сражалась та или иная рота или взвод. Особенно «досталась» в этот день бывшему командиру 810-го полка гвардии полковнику запаса В. А. Смирнову. Уже несколько раз приходили торопить его занять свое место в колонне, а он только отмахивался:

— Ребята многое хотят узнать, и они вправе задерживать нас. Не зря же они два месяца перед этим участвовали в туристских соревнованиях, давших им право пойти в поход!

И вновь отвечал на бесконечные вопросы, пока, наконец, и сами ребята не сказали, улыбнувшись:

— Давайте отпустим...

И вот участники боев, вслед за группой абхазских и грузинских альпинистов, пошли по пологому снежнику на юг. Немного задержались на обширной поляне, возле самодельного маленького обелиска, поставленного здесь не-

В старом укреплении. Участники боев вспоминают...

сколько лет назад московскими студентами, а потом начали первый из множества крутых спусков и подъемов на трехдневном пути к Чхалте — спуск на Большой Марухский ледник.

Если бы позволяло время, они останавливались бы возле каждого камня и возле каждой расселины, потому что всюду были следы боев, и все эти камни и расселины напоминали им все новые эпизоды сражений. Вот лишь некоторые из них...

...Мы спускались к леднику. Бывший командир взвода разведки 808-го полка Керим Шуаев сказал, показав на неширокую ложбину на противоположной стороне ледника, разделяющую два мощных горных пика:

— Однажды командир полка послал меня туда в разведку. Мы поднялись уже довольно высоко, хотя каждый шаг приходилось отнимать у векового льда буквально с боем. Это место называется Южно-Каракайский перевал. Нам важно было проверить, не могут ли фашисты по нему пройти из Аксаутской долины сюда и таким образом отрезать нас от базы снабжения. Почти на вершине перевала встретили немцев и завязали с ними бой. Там я был ранен. Но задачу выполнили.

...Прыгая через глубокие трещины, пробираясь сквозь каменные завалы, мы прошли ледник и опустились на широкую поляну, усеянную альпийскими цветами. Рядом бежала река, ворочая тяжелые камни. Звук камней, волочившихся по гранитному ложу реки, привлек наше внимание, и тогда бывший комиссар полка Н. Васильев рассказал об одном полу-забавном случае, связанном со снабжением водой в те дни.

— Немцы занимали вон ту высоту, — показал он рукой на длинную вершину, оплывшую льдом, — а мы укрепились здесь, по ущелью. Мы и они одинаково страдали без воды, потому что река находилась как раз в нейтральной полосе. После некоторого времени ожесточенных боев отношения наши с немцами сложились довольно своеобразно, когда шла речь о воде: если наши солдаты шли к реке, они не стреляли, а мы не стреляли в них. Впрочем, так длилось недолго, потому что вскоре разведчики Толкачева сумели занять вон ту высотку, господствовавшую над позициями гитлеровцев, и они поспешили убраться отсюда...

...Уже на первом привале, после того как были сброшены тяжелые рюкзаки, а от костра потянуло вкусным и острым запахом грузинского харчо, мы сидели в кружке возле

В. А. Смирнов (справа) рассказывает...

палаток и наслаждались покоем. Вокруг стояла тишина, если не считать шума реки, падающей километрах в полтора от привала стометровым водопадом. Солнце еще не село, но надежно укрылось буквально за каменной стеной — почти отвесной, лишь в некоторых местах зеленеющей полосками травы и мелкого кустарника вершины. Вид ее был грозен и неприветлив, и кто-то из молодых обратил на это внимание.

— О! — воскликнул Владимир Александрович Смирнов, — эта высота — мы ее условно называли «1316» — имеет свою историю.

— Расскажите, пожалуйста, — немедленно попросили его.

— Штаб нашего полка находился чуть ниже отсюда, — начал Смирнов, — в начале леса. А позиции располагались именно здесь, где мы теперь отдыхаем. Причем некоторые скалы, как, например, вон та, торчащая из высоких трав, служили естественным и надежным укрытием от эдельвейсовских мин и снарядов. Под ними располагались наши наблюдательные пункты, по существу, неуязвимые. Немцы вскоре поняли, что оттеснить нас они не смогут и что единственная возможность наступать у них появится лишь тогда, когда они отрежут полк от штаба и подкреплений. Вот они и прошли незаметно его хребтам и заняли эту высоту.

Сказать - по правде, жизнь после этого у нас стала просто невыносимой. Мы были как на ладони для вражеских пулеметов и минометов. Мы уже не могли не только свободно маневрировать, но и просто подбросить патроны для бойцов.

И вот возник дерзкий и поначалу казавшийся невыполнимым план, — вышибить врага с высоты ударам в лоб, штурмуя гранитную стену.

— И вышибли?— Конечно.

— Но ведь здесь и сейчас почти невозможно подняться, а если еще в тебя стреляют...

— Тем не менее это так,— сказал Смирнов.— Штурм мы начали ночью и под прикрытием наших минометов. Бойцы ползли как раз по тем узким зеленым полоскам и на рассвете забросали немцев гранатами. Уцелевших добивали из автоматов. Если мне память не изменяет, лишь двоим удалось уйти. Так ведь, Шуаев?

— Память вам не изменяет, товарищ полковник,— сказал Шуаев,— мы упустили действительно двоих.

Полковник удовлетворенно кивнул головой и сказал:

— Он тоже участвовал в этом штурме...
...Забавную историю рассказал Валентин Худовердиев, приехавший на встречу из Баку.

— Помню, как однажды пришло в нашу роту пополнение,— начал он, помешивая веточкой в костре.— Многие бойцы были молодые и необстрелянные, а тут надо было действовать решительно и всерьез. Подошла ночь, командир приказал усилить дозоры, а у нас опытных бойцов не хватает. Пришлось посылать и новичков.

Где-то возле ворот перевала был поставлен на пост молодой солдат-грузин. Ему сообщили пароль («Мушка») и предупредили, чтобы глядел в оба, потому что ожидалась вылазка немцев. Солдат, конечно, старался честно исполнять приказ, но без казуса не обошлось.

Ночью командир роты решил проверить посты и сумел незаметно подойти к молодому бойцу. В последний миг тот все-таки заметил чью-то тень и, клацнув затвором, крикнул, коверкая русские слова:

— Стой! Кто идет?

— Свои, свои,— успокаивающе произнес командир.

Но боец был непреклонен.

— Стой! — снова, крикнул он и почти вплотную приставил дуло винтовки к груди командира.— Пароль «Мушка» знаешь?

— Ну, конечно, знаю,— сказал несколько оторопевший командир.

— Скажи! — «Мушка». — Проходи, пожалуйста,— сказал солдат и опустил винтовку...

— После еще долго смеялись бойцы нашей роты, вспоминая этот случай,— закончил Худовердиев и, глядя сейчас на весело хохочущих слушателей, рассмеялся сам...

Там же, на первой ночевке, старые солдаты, да и шедшие с ними молодые ребята-альпинисты, были обрадованы неожиданным торжеством. Оказалось, что у бывшего бойца 810-го полка и сегодняшнего участника похода Александра Николаевича Пронина — день рождения, и исполнилось ему сорок лет.

— Двадцать один год назад я отмечал свой день рождения чуть ли не на этом самом месте, улыбнувшись, сказал Пронин.— Только тогда шампанского не было. А сейчас...

И под радостные возгласы друзей он извлек из тяжелого рюкзака две большие бутылки. В отсвете костра они казались совершенно черными...

Три дня от зари до зари шла наша колонна по диким лесам Сванетии.

Было трогательно видеть, что бывшие боевые друзья, у которых сегодня новые права и обязанности, различное общественное положение, остались не только друзьями, хотя и не виделись двадцать один год, но как бы и не разлучались все эти годы. По-прежнему, обращаясь, например, к Смирнову, они говорили: «Товарищ командир!»

А Васильева не величали Никифором Степановичем, если надо было что-то передать ему, а просили: «Скажи комиссару...»

Ранним утром после первой ночевки в урочище реки Южный Марух, в тот рассветный час, когда еще не разошелся туман, но уже можно было различать предметы для того, чтобы двигаться, участники боев подошли к тому месту, где надо было переправиться через реку. Бешеный поток грозил смыть любого, кто решился бы просто перейти его. И тогда бывший инженер 810-го полка лейтенант, а ныне полковник Малогин, взялся за наведение переправы, словно не было перерыва в его обязанностях. В несколько минут мостик с перильцами был готов, и бойцы перешли реку. Тяжело было Владимиру Туровскому и Ивану Подкопаеву, тяжело было и другим. Но по общему признанию вторично совершил подвиг, пройдя стокилометровый горный путь, Константин Расторгуев. В результате военного хранения у него совсем не сгибается правая нога. Можно только догадываться, сколько мучений да вынес на бесконечных, спусках и подъемах, но сам он не пожаловался ни разу, хотя бы просто на усталость, а даже подбадривал других. Ни на шаг не отходил от него Борис Винокуров, бывший начальник штаба третьего батальона, боевой его друг. Буквально взявшись за руки, повторяли они свой военный путь. Естественно, они отставали от общей колонны. И на привалах мы говорили поварам:

— Мы уходим, а вы подождите еще двоих...

К местам ночевки они тоже приходили позже всех, сопровождаемые лишь одним альпинистом. Товарищи готовили им палатку и места у костра.

— Ну что, дружище, — спрашивали они Расторгуева, когда он, наконец, делал последние шаги, — очень тяжело?

— Ничего, — отвечал он, — жарко. Вот Борису со мной нелегко. А я заранее готовился к этому походу — ходил, на лыжах бегал.

— Это с твоей-то ногой?

— А что ж такого? Упадешь — не велика беда, подняться можно. Не на войне ведь...

По вечерам после ужина, перед тем как свалиться в сон, мы спрашивали его о прошлом и настоящем. Он скупко рассказывал, что работает сейчас в Куйбышеве на том же заводе, что и до войны, только и всего, что не рабочим, а начальником цеха.

— Трудно, небось, работа нервная с людьми.

— Да нет. Люди хорошие. Два с половиной года уже как цех коммунистического труда.

— Ну, тогда можно жить.

— Да. Жаль расставаться с ними.

— А зачем расставаться-то?

Андрей Гаевский, двадцать один год спустя, вновь пришел сюда вместе со своим сыном Александром.

— Партком поручил принять другой цех, отстающий.

Годика два-три придется поработать, чтобы и его коммунистическим сделать...

Уже в Сухуми, на туристской базе, где всем участникам перехода вручали значки за преодоление сложного горного маршрута, который не всем молодым под силу, кто-то спросил Расторгуева:

— Если бы знал, что так тяжело будет, пошел бы снова?

— А я ведь знал это, — просто сказал Расторгуев.

Подождал, пока стихла музыка и замолкли аплодисменты, приветствовавшие очередного значкиста, и добавил:

— Я ведь обещал ребятам, что приду их навестить перед тем, как помереть...

Трогательной была встреча нашего земляка черкеса Яхьи Хакушева со своим командиром батальона грузином Василием Рухадзе, которому он тогда спас жизнь, вынес раненого с поля боя.

Герои Марухской битвы горячо были встречены в братской Абхазской республике. Они выступали на митинге перед трудящимися и присутствовали на приеме, устроенном в их честь руководителями республики. Сердечно приветствовал ветеранов Председатель Совета Министров республики Михаил Герасимович Чиковани. Вместе со своими грузинскими товарищами — участниками боев на перевале — В. Рухадзе, К. Свинтрадзе, Г. Ломидзе, А. Варганяном и другими они посадили небольшую аллею Памяти героев Марухского перевала. Она шумит сейчас молодыми побегами на широком, усаженном цветами и пальмами, центральном сквере города Сухуми.

На третий день они стали разъезжаться по домам, а несколько человек поехали еще в далекое грузинское селение Кодор, чтобы навестить могилу одного из своих друзей, умершего совсем недавно, — Шалвы Михайловича Марджанишвили. Он командовал тогда седьмой ротой 3-го батальона 808-го полка и награжден за марухские бои орденом Красного Знамени. И умер он не от старости, а от старых ран, как солдат. Перед смертью, как рассказывают родные, он говорил, что счастлив, ибо воинский труд его товарищей и его самого не забыт.

Возложив цветы, мы до позднего вечера сидели под персиковыми деревьями, возвращенными руками Шалвы, и слушали рассказы о нем. И вспомнили мы слова, какие произнес на митинге в Сухуми бывший командир всех этих

людей — и живых и погибших — Владимир Александрович Смирнов.

— Суровая природа гор,— сказал он,— и та преклонилась перед мужеством воинов, защищавших их. Это она принесла им последнюю дань и укрыла навеки в своих ледниках. Но случилось так, что человек проник в тайны ледников, собрал останки павших героев и захоронил их в братской могиле...

И вот мы, чья кровь обагрила священную землю Кавказа, через двадцать один год вернулись к вам, чтобы рассказать о прошлом во имя будущего. Мы хорошо помним гибель наших бойцов. Мы счастливы видеть, что жертвы не были напрасными и наша сегодняшняя молодежь, судя по ее вниманию к нам, понимает это. Мы хотели бы знать, что и будущее поколение, которое сейчас только переступает школьный порог и для которых война — история, будет воспитываться на великих и героических традициях своих отцов и дедов...

...Там, в Кодоре, пахло травой и кукурузными лепешками. В мигающем свете фонаря качались виноградные листья и блестели от гордости и горя глаза дочка Шалвы, шестиклассницы Нинико. И все мы поняли, что и Шалва, и те, кто погиб на леднике или умер после ран, не должны уйти из людской памяти не для себя, конечно, а для вот этой маленькой девочки с нежным именем Нинико, и для ее подруг и товарищей, и для всех детей великой нашей страны.